

⁸⁰ Там же. С. 133, 142.

⁸¹ *Сенявская Е.* «Образ врага» и «бычье упрямство». Как русские и финны показывают друг друга в «военном» кино // *Красная звезда*. 2005. 7 июня.

⁸² *Шолохов М.А.* На Юге // *Шолохов М.А.* Собр. соч. Т. 8. С. 150–151.

⁸³ *Эренбург И.* Война. 1941–1945. С. 50.

⁸⁴ *Сенявская Е.С.* Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества. С. 102.

⁸⁵ *Филоненко С.И.* Трофейные документы итальянского альпийского корпуса, разгромленного на Верхнем Дону в январе 1942 г. // *Воронежский вестник архивиста*. Научно-информационный бюллетень. Вып. 3. Воронеж, 2005. С. 216–225.

⁸⁶ Воспоминания Л.В. Есипенко, 1928 г.р., записаны автором в п. Краснооктябрьском Майкопского района 7 июля 1994 г.; Воспоминания М.Г. Емтыль, 1928 г.р., записаны автором в Майкопе 25 февраля 2000 г.

⁸⁷ Электронный ресурс: Елизавета Кучерявых. URL: <http://www.iremember.ru>.

⁸⁸ *Голубев А.В.* «Враги второй очереди»: советское общество и образ союзников в годы Великой Отечественной войны // *Проблемы российской истории*. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 351.

⁸⁹ Электронный ресурс: Венгерская тишина – 2. URL: <http://www.geocaching.ru/?pn=101&cid=6425>.

⁹⁰ ГА РО, ф. Р-4451, оп. 1, д. 16, л. 12.

⁹¹ *Берненко Ю.* Тяжкий сон остался позади // *Майкопские новости*. 1993. 19 января.

⁹² Электронный ресурс: Другая история Цениного сада. URL: <http://www.veneva.ru/vovl.html>

⁹³ *Эренбург И.* Летопись мужества. С. 188–189.

⁹⁴ *Эренбург И.* Война. 1941–1945. С. 145.

⁹⁵ *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.). Очерки и документы. Вологда, 2009. С. 200–201 и др.

⁹⁶ Воспоминания В.М. Чуканова, 1925 г.р., записаны автором в г. Майкопе 27 июля 2002 г.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОЦЕСС ПЕРЕМЕН: ОТ ПОЗДНЕГО СССР К ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

© 2010 г. Я. Д. ГАЛИМОВА *

ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)

В рассматриваемый период – между концом хрущевского времени и приходом к власти М.С. Горбачева – образ Японии, складывавшийся в советском обществе, формировался под влиянием различных объективных и субъективных факторов¹. Значительное воздействие на представления советских людей о Японии оказывало состояние советско-японских отношений, в свою очередь обусловленных противостоянием СССР и США. После официального установления в 1956 г. дипломатических отношений между Японией и СССР для советских людей существенно расширились возможности в получении информации из разнообразных источников. В разгар Вьетнамской войны в 1969 г. Япония подписала с США новый «договор безопасности», что повлекло за собой преобладание идеологизированного подхода в оценках этой страны. На страницах официальных изданий, в трудах отечественных исследователей стал распространяться стереотип: Япония – потенциальный противник СССР.

* **Галимова Яна Дмитриевна**, преподаватель городского лицея при Магнитогорском государственном университете.

Главной задачей советского внешнеполитического курса провозглашалось стремление строить отношения с Японией на основе добрососедства, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества. «Однако, – как отмечалось на одном из тогдашних партийных форумов, – в связи с вопросами мирного урегулирования кое-кто в Японии, подчас при прямом подстрекательстве извне, пытается предъявить к СССР необоснованные и незаконные претензии»². В связи с этим характерной чертой публикаций в прессе было наличие в явной или скрытой форме тезиса о том, что с советской стороны для создания атмосферы добрососедских отношений сделано абсолютно все и что дело остается исключительно за правительством Японии.

Однако объективно отношения между СССР и Японией в этот исторический период были сложными, особенно в политической и экономической сферах. Так, во второй половине 1970-х гг. масштабы делового сотрудничества, прежде всего в области торговли, росли, однако уровень сотрудничества оставался «несравненно ниже»³, по сравнению с развитыми странами Запада. Сложившееся положение, по мнению отечественного исследователя И.А. Латышева, было обусловлено рядом причин. Во-первых, руководители японских фирм понимали ограниченные возможности Советского Союза в закупках товаров. Во-вторых, НАТО систематически вводило ограничения на поставки в Советский Союз и союзные с ним страны Восточной Европы продукции, связанной с высокими технологиями. В-третьих, отрицательно сказалась на развитии связей Японии с Советским Союзом и общая атмосфера холодной войны, вспышки которой продолжались и в 1970-х гг. осложнять международные отношения. И, в-четвертых, к развитию деловых отношений с Советским Союзом не стремились японские фирмы, которые ориентировались на торговлю с США.

В советской прессе положительные тенденции в развитии советско-японских отношений преувеличивались, заслоняя существующие нерешенные проблемы и трудности. Так, на страницах периодических изданий не упоминалось, что Япония, добившись от США возвращения административных прав на Окинаву (май 1972 г.) и договорившись в Пекине отложить на время вопрос о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао), на которые претендовали Япония и Китай, представляло Советский Союз как единственную державу, препятствовавшую урегулированию послевоенных проблем на Дальнем Востоке и не возвращавшую Японии «северные территории». Не акцентировалось внимание в прессе и на том, что во время визита в Москву в октябре 1973 г. премьер-министр К. Танака выдвинул «территориальный вопрос» в качестве главного во время советско-японских переговоров. Сам приезд японского лидера был подан советской прессой исключительно в положительных тонах.

На формирование образа Японии определяющее влияние оказала господствовавшая в эти годы жесточайшая прямая и косвенная цензура, не позволявшая советской интеллигенции выражать истинные мысли и взгляды по тем или иным вопросам. В своих воспоминаниях Латышев отмечал: «Любые попытки высказать какие-либо *собственные критические мысли* или сослаться на факты и доказательства, не появившиеся в нашей печати и не прошедшие апробацию МИДа и ЦК КПСС, были делом абсолютно безнадежным. Любая “отсебятина” по вопросам советско-японских отношений была бы обречена на изъятие из рукописей, что влекло к осложнениям в отношениях с “вышестоящими инстанциями”»⁴. Это вынуждало представителей советской интеллигенции «сдвигать акценты, подменять объективный анализ действительности и изложение своей собственной точки зрения искусственным подбором фактов, призывных обосновать справедливость и правильность проводимой правительством политики»⁵.

В исследуемый исторический период цензура оставалась важнейшим институтом советского общества, выполняя не только контролирующие и запретительные, но и карательные и доносительские функции⁶. Образ Японии в этот период формировался и под влиянием устойчивых стереотипных представлений, сложившихся после ряда вооруженных конфликтов между Россией (СССР) и Японией. В советском обществе было распространено убеждение, имевшее глубокие социально-психологические основания, что Япония – страна укоренившегося милитаризма. Формирование данного пред-

ставления, согласно исследованиям Д.В. Петрова, развивалось по 3 основным направлениям. Во-первых, основное «идеологическое воздействие» на формирование образа «милитаристской Японии» оказывали официальные круги Советского Союза. Военная элита для подтверждения военного бюджета страны преувеличивала внешнюю угрозу со стороны Японии, «изображая ее минимальные военные приготовления как чреватые серьезной опасностью для стран Азии и влекущие за собой подрыв сложившегося баланса сил». Во-вторых, большое значение для создания образа «милитаристской Японии» сыграли СМИ. Советские журналисты в своих корреспонденциях акцентировали внимание на военной политике страны, «подменяли объективный анализ действительности и изложение своей собственной точки зрения искусственным подбором фактов, что естественным образом создавало гипертрофированное представление о масштабах и значении ее военных усилий». В-третьих, не остались в стороне и академические круги. По мысли Петрова, ученые, имея в те годы больше возможностей для объективного анализа происходящих в Японии процессов, «были вынуждены идти в фарватере официальной линии»⁷.

Следует выделить еще один фактор, частично повлиявший на формирование негативных сторон образа Японии. По мнению Н.А. Ерофеева, это этноцентризм, «который, порождая чувство превосходства своего над чужим, ограничивает способность наблюдать и видеть»⁸. А в сознании советского человека укоренилось представление «о сверхвыдающейся роли русского народа в мире»⁹. Известно, что «для глубокого проникновения в чужую культуру необходимо искреннее желание понять, сочувствие, известная доля симпатии, какого-то чувства сопричастности этой культуре. Сторонний наблюдатель, холодный, равнодушный или заранее настроенный критически, не проникает дальше поверхностного слоя явлений»¹⁰. Подобная идеология этноцентризма, по словам некоторых исследователей, привела к тому, что во времена «застоя» все шаги и акции Москвы расценивались как абсолютная истина, исключаящую любую критику. Естественно, что действия стран, идущие в разрез с политикой Советского Союза, считались ошибочными, противоречащими установлению мира, «враждебными» по отношению к СССР.

Важнейшим источником, позволяющим реконструировать официально заданный образ Японии в советском обществе, является периодическая печать. Для советского человека она оставалась одним из главных источников информации о зарубежных странах (в 1980 г. каждая семья получала в среднем 4 издания, в то время как в 2000 г. – только одно). Тираж некоторых советских газет достигал 9–11 млн экземпляров. Общедоступность, помноженная на многократное и длительное воздействие на читателя, превращала газеты в мощное средство пропаганды. Вместе с тем социологические службы регулярно проводили исследования, предметом которых являлась личность читателя, круг его предпочтений, что позволяло корректировать преподносимую информацию¹¹.

В официальном печатном органе ЦК КПСС – ежедневной газете «Правда»¹² – информация о Японии рассматриваемого периода сводилась к освещению демократического движения и социальных конфликтов; критике «реакционной политики правящих кругов и монополистического капитала»¹³. Заголовки репортажей настраивали читателей на определенное (одноликое) восприятие страны: «Политическая стачка японских рабочих»¹⁴; «Безработица растет, монополия наживается»¹⁵; «Рост недовольства»¹⁶; «Горький опыт»¹⁷. Многочисленные статьи с типичными названиями «Япония: волна забастовок»¹⁸; «Япония: важная победа в весенней борьбе»¹⁹; «Япония: начинается боевая весна»²⁰; «Они бастуют за право бастовать»²¹; «Миллионы встают на борьбу»²² и т.д. создавали у советского читателя представление об обострении в Японии неразрешимых социальных противоречий. Темой для регулярных публикаций оставалось состояние японо-американских отношений, формировался стереотип: Япония – вассал США и «американский непотопляемый авианосец у советских берегов»²³.

Одной из задач советской пропаганды в 60–70-х гг. XX в. было развенчание японского «экономического чуда», трактуемого опять-таки в контексте отношений Японии

и США. Японо-американское сотрудничество преподносилось советской прессой как «опасное» и «пагубное» для жизни японского общества: «Если Америка – это игрок бейсбольной команды, то Япония все еще остается подборщиком мячей. Вся система послевоенных японо-американских отношений, венцом которых является “договор об обеспечении безопасности” – это отношения между сюзереном и вассалом». Утверждалось, что, несмотря на техническое переоснащение японской промышленности, быстрый рост ее молодых отраслей, выход Японии на мировые рынки с продукцией, теснящей товары США и западных стран, в японской экономике «все чаще дают себя знать “спады”», объясняемые тем, что она «все еще крепко пристегнута к США». «Повышение деловой конъюнктуры в стране» связывалось «с милитаризацией, в частности с войной во Вьетнаме»²⁴. Из всего этого выводился прогноз, что с «уменьшением или прекращением американских спецзаказов экономические показатели Японии значительно ухудшатся, произойдет сильнейший экономический спад»²⁵. В 1960–1970-х гг. официальные публикации акцентировали внимание на развитии между СССР и Японией «добрососедского сотрудничества», обусловленного «взаимодополняемостью экономических структур». Под этими словами скрывался неэквивалентный обмен дешевого советского сырья на дорогие японские промышленные товары. В указанный период рекламировались долгосрочные совместные проекты, причем главное внимание обращалось на их масштабы, а не на реальную эффективность²⁶.

Среди периодических изданий выделялась еженедельная газета «За рубежом», благодаря которой советский человек получал многоплановую информацию о зарубежных странах. В отличие от других советских изданий, на страницах этой газеты статьи и репортажи о Японии публиковались почти в каждом номере, тематика их была разнообразной, а тональность в основном нейтральной. Сообщалось, например, что Япония стоит перед выбором дальнейшего пути развития: подпасть под влияние восточной разновидности «американизма», создать свой собственный «кошмар в помещении с кондиционированным воздухом»²⁷ или достигнуть подлинного синтеза основных ценностей Запада и Востока. В газете «За рубежом» в 1960-х гг. было опубликовано немало интересных статей, касающихся данной проблемы²⁸. Анализируя перспективы развития страны, затрагивая проблему «выбора пути», журналисты создают один из самых благоприятных образов Японии как страны, которая, «используя материальные и духовные ценности других народов», в то же время «избегает подражательства», идет «своей дорогой»²⁹.

На страницах газеты «За рубежом» была предпринята попытка объективно оценить и внутривнутриполитическое положение Японии. Так, в репортажах об экономическом развитии страны отмечалось, что высокие темпы экономического роста позволили Японии выйти из-под покровительства США и следовать самостоятельному экономическому и внешнеполитическому курсу. Однако в условиях холодной войны идеологизированных статей и репортажей было значительно больше. В них подчеркивалось, что главным препятствием на пути к улучшению советско-японских отношений остается «договор безопасности». С 1969 г. тон публикаций заметно изменился: все больше внешнеполитический курс Японии оценивается как реакционный, антинародный. Судя по материалам газеты, на протяжении 2 десятилетий образ Японии наполнялся разным содержанием: от положительных оценок страны и сдержанно-нейтрального тона публикаций до критико-обличительных статей. Последняя тенденция главным образом отразилась на репортажах, в которых основное внимание уделялось социально-экономическому развитию Японии и ее внешнеполитическому курсу, а также парламентским выборам, недемократичности японских общественно-политических структур и т.д.

События международной жизни находили отражение и в юмористических, сатирических статьях, фельетонах, карикатурах, публиковавшихся советской прессой. Следует отметить, что злободневных карикатур на японскую тему помещалось очень мало даже в «Крокодиле»³⁰, их вообще не было в «Правде»; преобладали статьи и заметки сатирического, реже юмористического характера. Главной темой большинства карикатур, касавшихся и Японии, была «борьба за мир», а статей и заметок – пороки капита-

листического строя, безработица, коррупция в политических кругах, организованная преступность. Жесткой критике подвергались отношения Японии с США, «порочные связи» политической элиты с американским капиталом и «американской военщиной», нейтрально или положительно подавалась информация о культуре и быте японского общества. Самое большое количество публикаций (из общего числа всех статей) посвящено безработице. Объектом для юмористических или сатирических статей и карикатур были так называемые принципы «рационализации», внедряемые на японских предприятиях³¹. Так формировались типичные стереотипные представления времен холодной войны, они усваивались легко, поскольку преподносились через зрительные образы, в большей степени воздействовали на эмоциональную сферу читателя.

В центральных газетах страны создавался официально заданный, одноликий образ капиталистической Японии с пороками и недостатками этой системы. При этом все-таки необходимо отметить избирательный характер этой критики: невзгоды капиталистической реальности напрямую связывались с крупнейшими монополистическими компаниями Японии и официальным правительством. В то же время японский народ и японская культура (не капиталистическая, а традиционная) оценивались с благожелательных позиций. Вместе с тем период с середины 60-х до середины 80-х гг. XX в. стал для советского общества временем нового открытия Японии, когда возрос интерес к японским традиционным ценностям, сформировалось представление о ней как о стране, искусно синтезирующей западные и восточные традиции. Сложившийся еще во второй половине XIX в. образ «экзотической», «живописной» Японии³² трансформировался в своеобразный культурный «бум Японии» в СССР 70-х гг. XX в.

В 1960–1970-х гг. значительное влияние на формирование представлений о Японии оказали японские художественные выставки, выступления театральных коллективов, демонстрации японских кинофильмов и особенно переводная японская литература. В 70–80-х гг. XX в. все большее место в трудах советских ученых уделялось исследованию культуры, ментальности японской нации; выходили научные труды, в которых освещались различные стороны японского быта³³.

В формировании образа Японии как страны древней культуры и самобытных обычаев, несомненно, сыграли роль и советские деятели культуры, побывавшие в разное время в Японии в составе различных делегаций и миссий. Среди них – Б.Н. Агапов³⁴, А.А. Бек, В.П. Беляев, М.С. Донской, К. Караев³⁵, К.М. Симонов³⁶, А.А. Сурков, А.Б. Чаковский, И.Г. Эренбург, а также русская художница Л.С. Бубнова, которая жила и работала в Японии десятки лет³⁷. В отразивших опыт пребывания в Японии сочинениях разного плана люди искусства обращали внимание на такие качества японцев, как исключительное трудолюбие, учтивость, общительность, страстная любовь к природе, пылкий ум, стремление учиться у других народов. Как отмечал Эренбург, японская культура – «чудеснейший сплав национального гения и вкладов иных культур»³⁸. Советские писатели укрепляли в сознании советского человека экзотический образ Японии, подчеркивали необычность быта и традиций японского общества.

В середине 60-х – середине 80-х гг. XX в. особую популярность в советском обществе приобрели книги журналистов-международников³⁹, бывавших в Японии с рабочими командировками, нередко продолжавшимися подолгу. Например, И.А. Латышев, Ю.В. Тавровский, М.Б. Ефимов находились в Японии соответственно 15, 10 и 6 лет. В ту пору для советской интеллигенции огромный интерес представлял социально-экономический опыт Японии. Не случайно журналисты-международники, рассматривая различные стороны жизни японского общества, акцентировали внимание на темах, касающихся социально-экономического развития японского общества. В эти же годы предпринимались попытки познакомить советских читателей с мощным техническим потенциалом и особенностями работы на японских предприятиях (известные телерепортажи В.Я. Цветова). В работах советских журналистов-международников, с одной стороны, присутствовал образ, типичный для центральной периодической печати, с другой – давался объективный анализ специфической культуры Японии, мотивации

поведения японцев на производстве и в общественной жизни, рассматривались причины динамизма японской экономики и т.д.

Таким образом, в советском обществе середины 1960-х – середины 1980-х гг. сформировался многоликий образ Японии. Вместе с тем рассматриваемый период оказался переходным в становлении современного («нового») образа этого государства, когда с началом перестройки стал терять свое значение идеологический фактор и началось размывание старых стереотипов⁴⁰.

Примечания

¹ Галимова Я.Д. Факторы и особенности формирования образа Японии в советском обществе эпохи Брежнева // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия» (Москва, 25–26 ноября 2008 г., ИРИ РАН). М., 2008. С. 224 – 229.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 21.

³ Латышев И.А. Япония, японцы, японоведы: Как складывались и освещались в печати во второй половине XX века советско-японские и российско-японские отношения. М., 2001. С. 382.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. М., 1994. С. 193.

⁶ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 14.

⁷ Япония и мировое сообщество... С. 193–194.

⁸ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М., 1982. С. 306.

⁹ Панарин С. Восток глазами русских // Родина. 1992. № 4. С. 15.

¹⁰ Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 306.

¹¹ См., напр.: Шляпентох В. Почти все о читателе «ЛГ». Итоги социологического исследования // Литературная газета. 1969. № 19, 7 мая. С. 13.

¹² Каждый год разовый тираж газеты «Правда» неуклонно увеличивался: если в 1965 г. он составлял 6,7 млн экземпляров, в 1967 г. – 7,4 млн, то к 1975 г. – около 11 млн.

¹³ Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР // Япония. Ежегодник. 1989. М., 1991. С. 139.

¹⁴ Правда. 1971. 30 октября.

¹⁵ Там же. 4 сентября.

¹⁶ Там же. 1974. 20 января.

¹⁷ Там же. 1976. 15 апреля.

¹⁸ Там же. 1971. 22 мая.

¹⁹ Там же. 1976. 15 апреля.

²⁰ Там же. 1964. 17 марта.

²¹ Там же. 17 марта.

²² Там же. 1970. 22 апреля.

²³ Овчинников В. «Национальная самобытность отнюдь не означает национальной ограниченности...». Электронный ресурс http://www.belousenko.com/wr_Ovchinnikov.htm

²⁴ Правда. 1966. 3 сентября. С. 3.

²⁵ Там же. 12 октября. С. 4.

²⁶ Вербицкий С.И. Указ. соч. С. 148.

²⁷ За рубежом. 1965. № 2(239). 8–14 января. С. 26.

²⁸ См., напр.: Лотос и транзисторы // За рубежом. 1965. № 2 (239), 8–14 января. С. 25–26; Двадцать лет спустя // Там же. № 25 (262), 18–24 июня. С. 24–25; Между двух эр // Там же. № 24 (261), 11–17 июня. С. 3; Японские парадоксы // Там же. 1967. № 8 (349), 17–23 февраля. С. 23; и др.

²⁹ Там же. 1965. № 2 (239), 8–14 января. С. 25.

³⁰ Всего мною было просмотрено 245 номеров «Крокодила» за 1965, 1967–1970, 1973, 1974, 1976, 1979 гг.

³¹ Крокодил. 1976. № 1 (2155), январь. С. 13; № 19 (2173), май. С. 10.

³² Впервые термин «живописная Япония» ввел В.Э. Молодяков в монографии «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века» (М., 1996).

³³ См., напр.: *Арутюнов С.А.* Современный быт японцев. М., 1968; *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., 1983; *Светлов Г.Е.* Путь богов (синто в истории Японии). М., 1985; *Христофорова М.Е.* Самосознание современной японской женщины и ее положение в обществе // Япония 1987. Ежегодник. М., 1989. С. 212–225, и др.

³⁴ *Агапов Б.Н.* Шесть загранич. М., 1974.

³⁵ *Караев К.* Японские впечатления // Вышка. 1969. 16 марта. № 64. С. 15.

³⁶ *Симонов К.М.* Япония – 46. М., 1977.

³⁷ *Бубнова Л.М.* Моя работа в Японии (РГАЛИ, ф. 2486, оп. 1, д. 582, л. 9–13).

³⁸ *Эренбург И.* Путевые записи: Япония. Греция. Индия. М., 1960. С. 65.

³⁹ *Дунаев В.И.* Японцы «на рубежах». М., 1983; *Ефимов М.Б.* Японские вертикали. М., 1987; *Овчинников В.В.* Сто первый лик Фудзи. Японские репортажи. М., 1975; *его же.* Сакура и дуб. М., 1983; *Тавровский Ю.В.* Двухэтажная Япония: Две тысячи дней на японских островах. М., 1989; *его же.* Загадки «японского духа». М., 1989; *Федоренко Н.Т.* Японские записки. М., 1966; *его же.* Краски времени. Черты японского искусства. М., 1972; и др.

⁴⁰ Япония и мировое сообщество... С. 12.

© 2010 г. Д. С. СЕКИРИНСКИЙ*

М.С. ГОРБАЧЕВ, ПЕРЕСТРОЙКА И АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: 1985–1991 годы

Восприятие различными группами американского общества (общественным мнением, экспертным сообществом и политическим истеблишментом) Перестройки в Советском Союзе в 1985–1991 гг. носило комплексный, разноплановый и вариативный характер. Соответственно и начавшийся анализ этого многомерного процесса в научной литературе¹ не мог избежать избирательности и порой фрагментарности. Имея в виду дальнейшую разработку темы, следует учитывать, что американское расследование (советология) не тождественно общественному мнению США, а изучение последнего нельзя проводить только на основе социологических опросов. Важную роль в этом плане может сыграть обращение к периодической печати. Рассматривая американское восприятие Перестройки в СССР в его историческом становлении и эволюции необходимо исходить из того, что изначально для американских наблюдателей на первом плане оказался именно новый советский лидер, который постепенно обнаруживал непривычную для людей его типа способность до известных пределов изменяться, что и позволило ему практически до конца Перестройки не терять своего лидирующего положения среди ее действующих лиц, привлекавших внимание в США.

До прихода к власти М.С. Горбачева и появления осязаемых признаков перемен, СССР 1970-х – начала 1980-х гг. воспринимался на Западе как страна, где ничего не происходит. Профессиональным наблюдателям и экспертам, по выражению одного из них, приходилось «следить не за событиями, а за их отсутствием»². Согласно произведенным американскими экспертами расчетам, в 1980 г. средний возраст члена Политбюро ЦК КПСС составлял 70.1 год (против 55.4 года в 1952 г.); средний возраст члена президиума Совета Министров СССР – 66.8 лет (против 54.1 в 1952 г.). Лишь 7% членов Политбюро и президиума Совета Министров были моложе 60 лет³. Когда же, наконец, пост советского лидера занял, как отмечалось в американской прессе, самый молодой за все время после смерти Сталина человек⁴ и впервые за 3 истекших с тех пор десятилетия на вершине советской власти произошла смена поколений высших руководителей⁵, ситуация для зарубежных наблюдателей стала интригующей.

К марту 1985 г. пресса США сумела раздобыть о Горбачеве гораздо больше информации, чем мог знать о нем обычный советский человек. Вниманию американцев,

* Секиринский Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.